

Ольга Гольдфайн

РАЗВОД В 90-Е

ВЫЖИТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Ольга Гольдфайн

Развод в 90-е.

Выжить любой ценой

<https://litres.ru/74615494>

SelfPub; 2026

Аннотация

1991 год. Перестройка. Пустые полки магазинов, талоны, безденежье. Счастье, что дочь кормят в детском саду, потому что вечером на ужин только макароны.

Мужу надоело так жить и он решил променять меня - обычную учительницу на молодую обеспеченную любовницу, у которой отец – капитан дальнего плавания, ходит за границу.

Максим продался за заграничные шмотки. Забыл меня и ребенка.

Это моя история. История о предательстве, силе духа и выживании в эпоху перемен, когда человеческая жизнь порой не стоила ничего

Реальная история одного развода. Шанс окунуться в прошлое.

Ольга Гольдфайн

Развод в 90-е.

Выжить любой ценой

1991 год. Перестройка. Пустые полки магазинов, талоны, безденежье. Счастье, что дочь кормят в детском саду, потому что вечером на ужин только макароны. Мужу надоело так жить и он решил променять меня - обычную учительницу на молодую обеспеченную любовницу, у которой отец – капитан дальнего плавания, ходит за границу. Максим продался за заграничные шмотки. Забыл меня и ребенка. Это моя история. История о предательстве, силе духа и выживании в эпоху перемен, когда человеческая жизнь порой не стоила ничего...

Реальная история одного развода. Шанс окунуться в прошлое.

Пролог. Самый страшный страх

Визуалы. Вера.

Визуалы. Максим

Глава 1. Пережить и жить дальше

- Глава 2. Разбитая жизнь
- Глава 3. Жестокий ультиматум
- Глава 4. Измена по расчёту
- Глава 5. Ледяная пустыня
- Глава 6. Дорога искушений
- Глава 7. Работа мечты
- Глава 8. Мутный образ
- Глава 9. Слон и Моська
- Глава 10. Под каблуком у тётчи
- Глава 11. Хлебное место
- Глава 12. Хороший отец
- Глава 13. Истеричка
- Глава 14. Защита от тирана
- Глава 15. Запретные желания
- Глава 16. Корректировка плана
- Глава 17. Предатели
- Глава 18. Яблоко раздора
- Глава 19. Развод
- Глава 20. Злая ложь
- Глава 21. Позорный счёт
- Глава 22. Царица Тамара
- Глава 23. Любимчик Фортуны
- Глава 24. Цена гордости
- Глава 25. Гора гостинцев
- Глава 26. Чужие руки.
- Глава 27. Оплата по бартеру

- Глава 28. Нехилый расклад
- Глава 29. Красный петух
- Глава 30. Что скажут люди?
- Глава 31. Турецкий ширпотреб
- Глава 32. Голос интуиции
- Глава 33. Коммунальный ультиматум
- Глава 34. Шаг в неизвестность
- Глава 35. Чужой праздник жизни
- Глава 36. Страшное пророчество
- Глава 37. Первый вечер в коммуналке
- Глава 38. В ловушке обстоятельств
- Глава 39. Что и требовалось доказать
- Глава 40. На счётчике
- Глава 41. Возвращение урки
- Глава 42. Станный разговор
- Глава 43. Встреча на рынке
- Глава 44. Затишье перед бурей
- Глава 45. Цена спасения
- Глава 46. Второй шанс
- Глава 47. Машина, квартира, шуба...
- Глава 48. Крупная рыба
- Глава 49. Выкуп
- Глава 50. Первая ласточка
- Глава 51. У разбитого корыта
- Глава 52. Одиночество
- Эпилог

Пролог. Самый страшный страх

Вера

Перестройка. Мы все ждали западного изобилия, высоких зарплат, частной собственности на жильё, поднятия железного занавеса, возможности выезжать на отдых за границу и много ещё чего, недоступного до этого времени простым гражданам.

А получили...

Получили пустые полки магазинов, дефицит товаров первой необходимости, лекарств, нормальной одежды, отсутствие денег и разгул бандитизма.

Я не разбираюсь в политике, но то, что в перестройку люди были поставлены на грань выживания – правда.

Мы не голодали благодаря тому, что мои родители жили в деревне и держали небольшое подсобное хозяйство – корову, кроликов и кур. Животных тоже было нечем кормить: летом – трава, зимой – сено и веники для кроликов, картошка, турнепс. Достать настоящие корма было невозможно, поэтому сажали много корнеплодов.

Родители привозили нам мясо, и тогда был настоящий праздник. Я забивала морозилку нарезанными кусками крольчатины и спокойно ложилась вечером спать, не мучаясь, что готовить завтра и из чего.

Думала, что нашей семье повезло – мы живём легче, чем

другие. Пока не случилось страшное...

Обычный вечер. Анютка играет с куклой в комнате, а я на кухне помешиваю макароны, готовлю ужин.

Важно не переварить, вовремя откинуть на дуршлаг, иначе слипнутся в один склизкий комок.

Настоящего сливочного масла в доме нет, только Воймикс. Но и это за счастье. Кину кусочек в макаронки, перемешаю, посыплю сахарным песочком – и можно есть.

Вспоминаю про банку тушёнки из гуманитарной помощи, которую на работе выдавали, но это для супа. Расходую экономно, держу в морозилке. Сегодня без мяса обойдемся.

Слышу, как поворачивается в замке ключ: Максим вернулся с работы. Выглядываю из кухни:

– Привет! Ты сегодня рано.

Муж скидывает растоптанные ботинки и, не снимая куртки, проходит ко мне. Прикрывает за собой кухонную дверь.

– Вер, нам нужно поговорить, – садится на колченогий табурет, опирается спиной о стену, откидывает голову и стучается затылком.

– Говори, – промываю макароны холодной водой из-под крана, помешивая ложкой. – Иди, мой руки, у меня почти готово.

Но муж не двигается с места:

– Я не буду ужинать.

Чтобы Родионов отказывался от еды – не припомню тако-

го. Заболел, что ли?

Закидываю макароны обратно в кастрюлю, добавляю ложку Воймикса и быстро перемешиваю, пока не слиплись.

– Вера, не суетись! Сядь! – раздражённым голосом командует муж.

Накрываю кастрюлю крышкой, сверху полотенцем, чтобы ужин не остыл, и присаживаюсь за стол напротив Максима.

– Чёрт! Не знаю, как начать... – нервно теребит рукой волосы и смотрит в пол. – Короче, Вер, я ухожу.

– Куда уходишь? – все ещё не понимая юмора, хмурю брови и пытаюсь оценить шутку.

– Буду жить в другом месте, – смотрит в глаза виновато, а у меня внутри всё обрывается.

Я не понимаю, что случилось. Ещё вчера все было нормально. Макс ночью покатался, привёз немного денег, Анютке вафельку «Кукуруку» где-то раздобыл. Лёг в постель, прижал меня к себе, поцеловал плечо. А сегодня вдруг решил бросить?..

– Ты... У тебя... Кто-то появился? – наконец, озвучиваю свой самый страшный страх.

Люблю его. Как увидела в поезде семь лет назад, так и втюхалась. Влюбилась без оглядки. Никого больше не видела. Только он – единственный свет в окошке.

Мой. Надежный, нежный, ласковый. Порой строгий, раздражительный, может и голос повысит, но всё равно хороший.

И без Максима я пропаду...

Мы с Анюткой пропадем...

Я не умею жить одна, без мужа. Совсем...

Да и на что мы будем жить?

Зарплаты мне не платят, задерживают уже три месяца.

Выдают по чуть-чуть, чтобы с голоду не умереть. По талонам не успеваю отовариться, потому что товары выбрасывают с утра, а я в это время на работе. Бабушек пенсионерок, которые могли бы с утра очередь занять, у нас нет.

Муж – наш кормилец. У них на комбинате тоже зарплату задерживают, но он вечерами подрабатывает частным извозом на служебной Волге. Водкой, купленной по талонам, приторговывает. На эти деньги мы и живём...

Из проносящихся в голове чёрных мыслей меня выдёргивает голос Максима:

– Да, Вер. Я ухожу к другой. На развод сам подам. Квартиру придётся разменять, но это позже, пока живите здесь.

Смотрю на свои трясущиеся, сложенные на столе в замок руки.

Нет сил на мужа смотреть. Кажется, что это всё не со мной происходит.

Разве может он, мой Максим, быть таким жестоким? Резать меня ножом по живому, клинком прицельно сердце колоть? Смотреть, как истекаю кровью, и продолжать убивать?..

– Макс, почему? – только и могу из себя выдавить, пре-

возмогая боль.

Слёзы капают на клеенку. Смотрю на рисунок – маленькие потёртые незабудки, расплывающиеся голубыми пятнами, и кажется, что это я растворяюсь в океане свалившегося горя.

Исчезаю, вместе с верой во всё доброе, светлое, хорошее. В семью, в мужа, в нас...

– Вер, ты не виновата. Просто устал так жить. Хочу по-другому. Ты не думай, я буду вам помогать. И деньгами, и вещами. Там, у Лариски, мать универмагом заведует, отец загранку ходит, шмотки привозит импортные. Буду толкать и вам отстёгивать от наvara. Лучше заживем, Вер! Я ведь и для вас это делаю! – накрывает мои трясущиеся руки своей теплой ладонью.

А у меня внутри лёд. Сковывает сердце незримым панцирем, заставляет его остановиться, замереть.

Больше не стучать, не качать кровь.

Поставить точку в моей нелепой жизни...

Для нас?.. Он сказал – для нас?! Изменил, предал, для нашего же с дочкой блага?!

Вот же... Как всё вывернул...

Поднимаю глаза на Родионова.

Чего греха таить – он хорош. Крепкий, ладно сбитый, рост выше среднего. Густые тёмные волосы, умные серые глаза с длинными ресницами. Ямочка на подбородке...

Когда-то я влюбилась в эту ямочку. А теперь её целует

другая...

Да как он смеет жертву из себя строить?! Оправдывать свой гнусный поступок благими намерениями?..

Хочется заорать, вскочить, разбить что-нибудь, чтобы выплеснуть боль и ярость.

Схватить кастрюлю с макаронами и на голову ему надеть, чтобы опомнился. Я уже посматриваю на плиту и выбираю: пустой сковородкой шарахнуть или пожертвовать ужином?

Но в этот момент дверь открывается и в кухню заходит дочка:

– Папа, ты пришёл! Принес мне что-нибудь?

Мелкая бесцеремонно, как обезьянка, взбирается на колени к Максиму и обнимает за шею. Он достаёт из внутреннего кармана куртки три карамельки «Дюшес»:

– На, держи. Только одну оставь, завтра в садике Дину угостишь.

Это подружка Анютки, дочка Сашки Разникова – друга Максима. Те натурально бедствуют: Марина в декрете сидит с третьим, а Сашка в пожарной охране работает по сменам, и ещё ночным сторожем в садике подрабатывает. Сигареты из Москвы возит, на толкучке торгует ими. Короче, крутится, как может, но на большую семью денег все равно не хватает...

– Спасибо, – целует папу в колючую щёку. – Мам, мы скоро кушать будем? Хочу быстрее конфетку съесть.

Аня знает, что сладкое можно только после еды.

Прокашливаюсь, чтобы убрать хрипоту из голоса и как можно ласковей обращаюсь к дочке:

– Да, малышка, иди мой ручки и садись за стол, у меня всё готово.

Счастье, что ребёнок не заметил моих слёз. Я медленно встаю, достаю три тарелки, на автомате ставлю на стол, а потом одну убираю.

Он ведь теперь не здесь столуется.

В богатом доме на ужин уж точно не макароны с сахаром...

– Уходи, Максим. Собери вещи, пока мы ужинаем. Не хочу, чтобы дочка видела, как ты своё добро пакуешь... – роняю полушепотом, пока в ванной журчит вода.

– Вер, да там и забирать особо нечего, сама знаешь.

Сгребая волю в кулак. Стараюсь не скатиться в бабскую истерику.

Я обязательно поплачу, но потом...

Раскладываю макароны по тарелкам, поднимаю глаза и твёрдо прошу Родионова:

– Уходи и не возвращайся. Мы сами как-нибудь. Без тебя. Выживем...

Визуалы. Вера.

Вера Алексеевна Родионова (Махонина), 25 лет, учительница младших классов.

Спокойная, ответственная, исполнительная. Любит мужа

и дочь.

Точнее, любила мужа до его предательства...

Жила за мужем, как за каменной стеной.

Но оказалось, что стена с гнильцой, и теперь Вере придётся научиться жить самостоятельно. Нести ответственность за себя и маленькую дочку.

Визуалы. Максим

Максим Антонович Родионов , 28 лет.

Днем работает водителем директора лесодеревообрабатывающего комбината (ЛДК), ночью занимается частным извозом (таксует).

Серьезный, ответственный (или безответственный), предприимчивый.

Мечтает раскрутить свой бизнес.

Глава 1. Пережить и жить дальше

Вера

Анютка опять неправильно держит ложку, но я не поправляю. Ем и не чувствую вкуса. Слезы капаят в тарелку, я их незаметно вытираю тыльной стороной ладони, не поднимая глаз.

Дочка замечает моё разбитое состояние:

– Мама, ты плачешь? Тебя папа обидел?

– Все нормально, малыш. Ешь. Сделать тебе бутербродик к чаю? – спрашиваю, чтобы отвлечь ребёнка. Еще не хватало её втянуть в наши разборки.

– Сделай с коричневым песочком, – просит егоза, болтая ножками.

Беру кусочек белого хлеба, смачиваю поверхность крепким чаем из заварочного чайника, сверху посыпаю щепоткой сахара. Вот такой бюджетный бутерброд.

Аня с удовольствием лопает хлеб и спрашивает с набитым ртом:

– Мам, а Дина сказала, что они летом в деревню переедут. Там «лес прокормит». Грибы и ягоды будут собирать, её папа на рыбалку возьмёт, а дедушка там вот такую рыбу ловит.

Выдумщица широко расставляет руки и показывает размер огромных мифических рыб.

Жена Разникова тоже из деревни, у её родителей большой дом, и они давно поговаривали, что надо перебраться в се-

ло. Там с голоду не умрёшь: свой огород, картошка, лес, река. Да и пенсии пока не задерживают. Нынче старики детям и внукам помогают. У пожилых родственников занимают до полочки и часто в гости ходят просто поесть.

– Вер, я пошёл, – заглядывает в кухню муж.

Щёлкает пальцем дочку по кончику носа:

– Нюся, не скучай! Буду к вам заезжать. С подарками.

Аня смотрит на папу удивлённо, но растерянно молчит, а Родионов быстрее убегает, пока дочь не начала задавать неудобных вопросов.

Слышу, как хлопает входная дверь.

– Мам, папа на работу пошёл?

Смотрю на своё сокровище и не знаю, что ответить. Сволочь Родионов оставил меня разбираться с последствиями его измены. Размышляю, какие слова подобрать, чтобы не ранить дочь.

– Малыш, папа пока поживёт в другом месте.

– Почему? Ему с нами плохо, что ли? – недоумевает пятилетка.

– Не знаю. Спроси потом у него сама, ладно? – собираю со стола грязные тарелки и суетливо начинаю мыть посуду, чтобы Аня не видела, как гримаса боли исказила лицо.

Закусываю до крови губу, зажмуриваю глаза, поднимаю подбородок и сглатываю колючий ком в горле.

Только не реви, Вера! Ты ребёнка напугаешь! Уснёт, тогда поплачешь.

Анютка с шумом слезает в табуретки, подходит сзади и обнимает меня. Прижимается щекой.

– Мам, ты только не плач. Он вернется. Папа ведь меня любит, я знаю. И тебя любит.

Всё. Не могу. Слезы градом срываются вниз. Выключаю воду, поворачиваюсь к дочке, приседаю и прижимаю её к себе.

– Не буду, маленькая. И знаешь, даже если папа не вернётся, мы с тобой и одни хорошо проживём. Будем твоей кукле платья шить, я ей свяжу кофту из своего старого свитера, и шапочку, и брючки.

Аня осторожно высвобождается из объятий. Строго смотрит мне в глаза:

– Нет, мама. Без папы нам плохо будет. Ты же сама говорила, что он наш кормилец. Я не хочу, как Маша Фадеева, в садик в рваных колготках ходить и одним и тем же платье.

Перспектива скатиться в нищету ужасает, но я верю, что мы не пропадем:

– Аня, у тебя никогда не будет рваных колготок. И платья будут, красивые и разные. И куплю их тебе я, а не папа. Обещаю, солнышко.

Малышка пристально рассматривает моё лицо, потом кивает головой и уходит.

А я сажусь на пол, опираюсь спиной на кухонный шкафчик, подтягиваю к себе колени и снова начинаю беззвучно плакать, зажимая зубами край ладони.

Господи, дай мне сил все это пережить...

Глава 2. Разбитая жизнь

Вера

Когда кухонное полотенце становится мокрым от слёз, прекращаю себя жалеть. Делать это можно бесконечно, а у меня ребёнок. Анютке пережить уход папы будет ещё сложнее, поэтому я должна взять себя в руки и думать в первую очередь о дочери...

Разведёнка – такое унизительное клеймо. Почему-то мужчин в разводе все жалеют, для них этот статус почти такой же привлекательный, как завидный холостяк.

В то же время на разведённую женщину смотрят с подозрением. Считают, что с ней что-то не так, раз не смогла сохранить семью. Изъян есть какой-то, что ли...

Завидной невестой назвать ни у кого язык не повернётся. А если ещё и ребенок есть, то прослывет «разведёнкой с прицепом». Оскорбительная и обидная печать.

Встаю, умываюсь холодной водой и иду в спальню посмотреть, что забрал с собой муж.

Открываю шкаф, прохожусь по полкам и понимаю: Родионов взял только новые, добротные вещи. Те, что лежали «на выход». Все старье дома оставил.

Правильно – в новую жизнь налегке отправился, только самое лучшее с собой захватил. Богатая невеста оденет, обует, причешет и заставит под свою дудку плясать.

Взгляд выхватывает со стены нашу свадебную фотографию: я в белом платье и шляпе с розочками, в кружевных перчатках. Максим в чёрном костюме, белой рубашке с галстуком. Смотрим друг на друга влюблёнными глазами.

Подхожу, снимаю рамку и прячу в комод. Теперь этот снимок кажется верхом лицемерия.

Любил ли он меня? И если любил, то куда делась эта любовь?

Неужели желание вкусно есть и сладко спать пересилило высокое чувство?

Сколько стоит любовь в наше непростое время? Пару импортных курток? Блок заграничных сигарет?

Как там говорят: «Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда»?

Ладно, какой смысл сейчас искать причины подлого поступка Родионова. Надо думать, как дальше жить.

Он сказал, что придётся разменять квартиру. Нашу двушку в лучшем случае можно разменять на крохотную однушку и комнату в коммуналке.

Не запихнёт же он меня с маленьким ребёнком в какую-нибудь общагу к алкашам? Или окончательно потеряет совесть и поселит в комнатуху два на три в старой коммунальной квартире с запахом кошек и ободранными обоями?

Мне сложно предугадать следующие шаги Максима. Понимаю, что он неминуемо попадёт под влияние любовницы и её родителей.

Жить в примаках – не сахар, но Родионов сам сделал свой выбор.

Получается, я совсем его не знала. Думала, что выхожу замуж за героя, а на деле оказалось, «герой – штаны с дырой»...

Мне обидно и страшно. Страшно представить, что ждёт впереди. Но я же деревенская, а значит, от природы сильная.

Бабушка в детстве говорила: «Верочка, ты босиком ходи да на земельке лежи, в небо смотри. Земля – она силу даёт. А небушко – оно от невзгод прикрывает, мудростью да покоем одаряет».

И когда я летом падала на лугу в траву, вдыхала запах цветущих растений, смотрела на проплывающие облака – в груди появлялось тёплое, щемящее чувство единства со всем живым.

Накрывало ощущением, что Бог близко. Там, наверху, приглядывают за мной. Боженька улыбается и будто шепчет: «Посмотри, Верочка, какую я красоту придумал. Сколько жизни вдохнул в этот мир. Радуйся ему, береги, люби так же, как я...»

И я любила каждого жучка-паучка, каждую травинку, пробивающуюся через щель в старых мостках. Берегла покой ласточек, устроивших гнездо под нашей крышей. Просила папу сколотить скворечники для скворцов и наслаждалась по весне их мелодичными трелями.

Всё это наполняло меня природной силой. Давала ощущение

ние поддержки, дружелюбия. Показывало: любой честный труд обязательно принесёт плоды. Созидание и есть источник всех благ.

Но почему-то замужем я забыла об этом. Отдала ответственность за свою жизнь в руки Максима. А он...

Он взял, и разбил щедрый дар. Играючи, уронил его на асфальт и растоптал грязными, тяжёлыми ботинками...

Перед сном читаю дочери сказку, но вижу, что она почти не слушает. О чем-то думает сосредоточенно, хмурит тонкие светлые бровки.

– Мам, – перебивает меня, – а вы теперь разведётесь с папой?

Вопрос ставит в тупик. Интересно, откуда она знает про такие вещи?

Впрочем, в садике дети стараются разделить свою боль с другими, чтобы стало легче.

– Возможно. Но это ничего не меняет: папа любит тебя, малышка, – глажу по мягким светлым волосикам, улыбаюсь через силу.

– Нет, мама. Он теперь нового ребёнка родит и будет любить его. А меня забудет, как папа Вадика, – с дрожащими ресницами и полными слёз глазами просвещает меня дочь.

Не могу подобрать слов, чтобы успокоить Аню. Врать не хочу, а сказать правду язык не поворачивается.

Кто знает, может, эта Лариса уже беременна и потому Родионов решил нас бросить?

Мысль как пуля прошивает сердце навывлет. В груди полыхает пожар, на спине бегут табуном ледяные мурашки. Возможно, Максиму не оставили выбора... Но это все равно не оправдывает его измену. И развод, да, неминуем. Простить я его не смогу...

Глава 3. Жестокий ультиматум

Максим

Два дня гоняю в башке, что сказать Верке и как уйти из дома. Лариска поставила ультиматум: или – я, или – она.

Выбора у меня нет. И не потому, что я до усрачки влюблён в Еремееву. Денег её батюшке должен. Много.

Когда занимал, думал, что выкручусь. Деня Самодов обещал привезти из Москвы два видака и сигарет на продажу. Сказал, у него там надёжный человечек есть. Уехал и не вернулся. Хрен знает, где его теперь искать. Может, и в живых уже нет...

К отцу Дениса заезжал, но тот пьёт, не просыхает. Дома как в бомжатнике. Мужик вообще вряд ли помнит, что у него есть сын.

А потом парни сказали, что Деня много у кого занял и свалил. Кинул, как лохов.

И чего я повелся, кретин? Хотел бабла поднять, Верке новое пальто на зиму купить. Ходит в школу в своём старом. Норковый воротник уже мошь поела, рукава вытерлись.

Правда, и другие учителя нарядами не блещут. Зарплату только по праздникам и видят...

Вот папаша Ларискин меня и прижал. Сказал: «Войдёшь в нашу семью, – как сыр в масле будешь кататься. Торговать на толкучку пойдёшь заграничными шмотками, жвачкой, видеокассетами. Долг быстро отработаешь. На работу тебя нормальную устроим. Глядишь, через годик машину купишь. Да не тяни. У Лариски характер вспыльчивый, может и от ворот поворот дать».

Ну и куда мне деваться?

А так, глядишь, и Верке с Аней стану деньжат и шмоток подкидывать. Хотя мои девки сыты-одеты-обуты будут.

Но на деле семейка Еремеевых сразу берёт меня в тиски. Стоит только переступить порог их квартиры, как мне ментально указывают на мое место.

Звоню в дверь, Ларка уже поджидает. Открывает и сразу мне на шею кидается.

– Макс, пришел! Там всё? – заглядывает в глаза, проверяя, не совру ли.

– Всё, Лар. Ушёл. Сказал, что разводимся, – стягиваю с ног ненавистные ботинки. Кроссы бы купить нормальные, а то в этих говнодавах выгляжу как лох. А уж рядом с разодетой Лариской и подавно на бомжа смахиваю.

– Наконец-то! Я уж думала, ты от своей нищевородки никогда не отлипнешь. Ужинать будешь?

– Да, не стал там есть, – снимаю потёртую старую кожанку

и устраиваю на вешалке рядом с аляской будущего свекра.

Мне бы такую куртку... Надеюсь, Силантич подгонит, прибарахлит зятяка.

Иду за Ларкой в её комнату, по пути заглядываю в гостиную. Хозяин дома вальяжно сидит на диване, смотрит какой-то фильм по телеку.

– Добрый вечер, Александр Силантьевич, – здороваюсь сдержанно. – Вот, к вам перебираюсь, – показываю спортивную сумку.

– Ну, ну. Что-то вещей у тебя маловато? Жене решил всё оставить? – подначивает с усмешкой.

– Всё своё ношу с собой. Не в шмотках счастье, – отшучиваюсь сквозь зубы. Чувствую себя при этом каким-то опущенным.

– Не мели ерунды. Всегда по одежке встречали. Оборванцу ни один начальник руки не подаст. А уж на работу и подавно не возьмёт, – учит жизни новый родственник.

Ни слова не говоря, скрываюсь в комнате Ларки. Она открывает шифоньер, а там все полки доверху забиты тряпками. Поджимает губы, задумчиво стучит по ним указательным пальцем.

– Места совсем нет. Так, а тут у нас что? – открывает второе отделение. Там тоже под завязку всё: на вешалках висят две шубы, пальто, плащи, платья, кофты. Внизу коробки с обувью, на шкафу тоже до самого потолка разноцветные коробки, ещё и подписаны: «Сапоги парадные на шпильке»,

«Босоножки на танкетке», «Ботфорты»...

Похоже, меня не особо ждали. Даже не удосужились прикинуть, куда я своё шмотье положу.

– Ладно, давай пока твою сумку под кровать запихнём. Потом я подумаю, куда можно пристроить вещи.

Лариска бесцеремонно подталкивает ногой мой скарб. Сумка скользит по паркету. Теперь мне всякий раз придётся вставать на колени и доставать сумку, чтобы найти, что надеть на работу. Рубашки будут мятые. Единственный пиджак как из жопы вынутый.

Спасибо, любимая, с распростёртыми объятиями приняла...

Глава 4. Измена по расчёту

Максим

– Пошли на кухню, – командует Ларка.

Плетусь через большую комнату, мимо Силантьевича. Слышу, что в кухне мать Лариски посудой гремит. Тёща у меня будет классическая: ведьма и язва, ещё и с гонором.

С первого дня меня недолюбливает. Да я и особо не жалую Галину Аркадьевну. Уж больно язык у неё острый: при каждой встрече «комплименты» отвечает, не знаю потом, как унести.

Дородная дама с высокой причёской на гордо посаженной голове моет посуду и складывает на сушилку в шкафчик. Ла-

риска усаживает меня за стол:

– Падай, сейчас посмотрю, что осталось. Мам, чем можно Макса покормить?

Тёща оборачивается, смотрит на меня недобро:

– Максом у соседей псину зовут, а Максиму куриное бедро положи. Там осталось две штуки, я в духовке делала.

– Спасибо, Галина Аркадьевна, – благодарю сдержанно.

Сука... Такое ощущение, что стою с протянутой рукой. Надо было дома макарон похавать, сейчас бы не так жрать хотелось.

Фурия вытирает руки полотенцем и удаляется, кинув напоследок:

– Посуду за собой помойте. Можете два йогурта взять. Пирожные не трогайте в холодильнике. Ко мне завтра гадалка придет, это для нас с ней.

Мать твою за ногу! Да у них тут еда со счету, что ли? Чего же раньше не рассказывали, что жратву в холодильнике пересчитывают?

Лариска разогревает на сковородке куриный окорочок. Ножки Буша – наше всё. Правда, хрен достанешь в магазине. Но для Еремеевых проблем нет: мать Лариски заведует универмагом, схема «ты – мне, я – тебе» у торгашей работает безотказно.

Это мы, простые смертные, по утрам бутерами с маргарином давимся и задницу газеткой подтираем. А у них, богате-ев, и гречка, и майонез, и мясо, и туалетная бумага имеются.

Обидно, блин! Хреначишь с утра до вечера и ещё по ночам вкалываешь, а денег едва на жратву хватает. Зато кто-то с золотой ложкой во рту родился. Как Лариска, например. Ей карьера обеспечена, пристроит батюшка на хлебное место.

Надеюсь, теперь и у меня в жизни белая полоса начнётся. Пусть и за счет бабы, но получу и тёплое место под солнцем, и ларёк со временем открою, и своих потом из нищеты вытащу.

А Верка – она простит. Любит меня, как кошка. Объясню, что всё по плану: самому на ноги встать и ей с Анькой нормальную жизнь обеспечить.

Хрен знает, сколько ещё в стране этот беспредел продлится. Жить нормально хочется уже сейчас, а не когда-то там, в будущем...

С мягким, ароматным куриным бедром и пюрешкой расправляюсь за пару минут. Ларка сидит напротив, смотрит, подперев щёку рукой, жалостливо:

– Давай ещё положу. Голодный ведь...

– Не, не надо. Твоя мать утром не досчитается, и обзовет меня троглодитом или похуже кликуху придумает. Фантазия у неё богатая. Чаю налей.

Лариска нехотя поднимается. Чувствуется, что не привыкла обслуживать кого-то за столом. Наоборот, это ей всё подадут и угождают. Принцесса...

Вечером, после душа, лежим на её полутораспальной кровати. Не сказать, что тесно, в обнимку вполне можно спать.

Лариска положила голову на мою руку, пальцем рисует восьмёрки на груди, а я смотрю в белый потолок и думаю, как жить дальше.

Назад пока дороги нет, а впереди...

Хрен его знает, что ждёт впереди...

– Макс, ты сказал, что квартиру надо разменять? – приподнимает голову и заглядывает в глаза.

– Сказал.

– И что она ответила?

«Она»... По имени мою жену Лариска не называет принципиально. «Деревенщина», «Училка», «Зануда», «Босячка», «Голодранка», как угодно, но только не Вера...

– Мы пока не обсуждали эту тему, – ухожу от прямого ответа.

Ларка встаёт на дыбы:

– А что там обсуждать? Вы в квартире прописаны, значит, меняем на однушку и комнату.

Надо же... Рассуждает так, будто эта квартира принадлежит ей.

– Сначала надо развестись, потом уже с жильём вопрос решать, – пытаюсь тормознуть борзую любовницу.

– С фиги ли? Она потом передумать может! Или родители настропалят, подружки насоветуют не соглашаться на размен. Подключат какие-нибудь органы опеки, и останешься на улице, – поднимает кипишь Еремеева. – Мне родители сразу сказали: «Выйдешь за него замуж – живите отдельно.

Мужик он, или кто?» Вот и докажи, что мужик! Хотя бы однушку нам сделай!

Внутри всё кипит от несправедливости и злости на себя. Угораздило же связаться с этой семейкой!

Теперь придется разменять нашу двушку на однушку и какой-нибудь барак деревянный в пригороде. Маймаксе или Цигломени. Как Верка оттуда на работу будет ездить – ума не приложу.

Но это всё временно. Должна понять. Выпутаюсь из долгов, денег поднакоплю, на ноги встану – и всё верну. Купим трехкомнатную, чтобы у Аньки своя комната была.

А пока надо потерпеть...

Хотя бы год продержаться...

Глава 5. Ледяная пустыня

Вера

Прошло четыре дня, как Максим ушёл из дома. Точнее, ушёл к другой...

Что я чувствую? Мне кажется, ничего.

Внутри будто ледяная пустыня, стылая, морозная, сковывающая реки вен, несущие кровь.

Жизнь во мне будто остановилась. Я хожу, разговариваю, ем, сплю, но делаю всё это будто во сне. Привычные движения, встроенные природой в моё тело инстинкты, только благодаря им я дышу.

Вечерами гипнотизирую телефон. Проверяю, включен ли

звук. Один раз даже позвонила Юле, своей подруге, попросила перезвонить. Подумала, что аппарат сломался, раз Максим за эти дни ни разу не объявился.

Ненавижу его... Ночью представляю, как обнимает дружю, целует в плечо, кусает за шею, и реву в подушку.

Не знала, что бывает такая душевная боль. Грудь словно железными крючьями раздирают, нервы на ниточки рвут, в сердце загоняют стальные раскалённые иглы...

Господи, как это всё выдержать и не сойти с ума?..

Дочка... Анечка... Только она в эти дни держит меня на плаву.

Постоянно спрашивает: «А где папа?», «Мама, папа скоро вернётся?».

Просит: «Позвони папе. Скажи, что я скучаю...»

Милая моя малышка, я тоже по нему скучаю. По этому предателю, подлецу, жестокому человеку...

Оказывается, так бывает, когда и ненавидишь, и любишь одновременно.

До дрожи хочешь прикоснуться, обнять, и боишься встретиться глазами, испытать новую порцию боли.

Время лечит... Так говорят. Но как ускорить этот процесс? Что нужно сделать, чтобы вырвать из сердца человека с корнями и чем-то заполнить эту пустоту, чтобы не болело?..

Родителям ничего не говорю. Понимаю, что станут переживать за меня. А мама... Она настолько простая, что обязательно с кем-нибудь поделится бедой, и потом вся дерев-

ня будет моё имя полоскать, история обрастёт домыслами и сплетнями. Напридумывают такого, чего и в помине нет.

Не хочу так...

Вечером раскладываю деньги на три кучки. Записываю в тетрадке предстоящие расходы. Платежи, которые обязательно нужно погасить.

За садик заплатить, купить Анютке новые рейтузы. Старые порвала на горке зацепившись. Я, конечно, зашила, но это ненадежно. Скоро стрелки пойдут по трикотажу, будет заметно. А я помню её страх насчет рваных колготок...

Сахар заканчивается, а талонов больше нет. Родионов забрал с собой свою книжечку. Придётся ждать следующего месяца. Или на работе у девочек попросить хотя бы граммов двести. Потом отдам.

Шампуня осталось на донышке бутылки. Опять придётся голову сырыми яйцами мыть и споласкивать раствором уксуса. Как же устала от этой постоянной нужды...

А ещё и цены... Они растут день ото дня. Не знаю, как я буду выживать со своей зарплатой. Которую не платят к тому же...

Звонок в дверь прерывает мои размышления. На пороге пожилая соседка Людмила Павловна. Любопытная и назойливая, но приходится поддерживать отношения, потому что иногда мы оставляем у неё Анютку.

– Верочка, добрый вечер! У тебя соли не будет? – стреляет глазами по комнатам, озвучивая надуманный предлог для

визита.

– Сейчас принесу, Людмила Павловна, – иду на кухню и отсыпаю в бумажный кулёчек немного каменной соли.

Тем временем гостя проходит в большую комнату, где Аня играет в дочки-матери. У неё домик из картонной коробки с вырезанными оконцами, украшенными занавесками из лоскутков. Кукла завернута в бабушкин клетчатый тёплый платок, дочка её качает.

– Анечка, здравствуй! – слышу голос Людмилы Павловны.
– Что-то давно ты в гости не заходила. И папа ваш куда-то делся, машины во дворе уже несколько дней не видно.

Вот же... ехидна!

Спешу дочке на помощь и качаю головой, показывая, что не надо ничего рассказывать этой тёте.

– Максим к матери в Котлас уехал. Что-то там случилось, – вру без зазрения совести.

Сказать, что муж меня бросил, значит, выслушать целую лекцию на тему «все мужики – козлы». У соседки муж всю жизнь хороводился с женщинами, пока по пьяни не попал под машину.

– А я думала, загулял орёл, – не церемонясь делится своими предположениями. – Так-то он у тебя парень видный. За таким глаз да глаз нужен.

Гадюка ехидно улыбается и не торопится взять из моей протянутой руки кулёчек с солью. Будто не видит.

– Людмила Павловна, вот ваша соль, а мне Аню купать

пора, – намекая, что нет времени на разговоры.

– Да, да, спасибо, – забирает-таки пакет и направляется к двери. – Вер, если Максим приедет, пусть ко мне зайдет – что-то телевизор опять барахлит, то рябит, то звук пропадает.

Нестерпимо хочется поддать пинка вредной тётке. Я же знаю, зачем ей Максим: чтобы по хитрому выпросить подробности происходящего между нами.

Наверняка не поверила, что к матери уехал. Знает, что Макс туда раз в год летом ездит на пару дней, не больше. Его сестра маме помогает, живёт там рядом, поэтому Максим не считает себя обязанным навещать мать.

Когда дверь за соседкой закрывается, облегченно выдыхаю. Как долго мне придется изображать, что у нас все хорошо?

О том, что Максим ушёл, я рассказала только подруге. Знаю, что Юлька никуда дальше это не понесёт. Она из тех, кто умеет хранить секреты.

Но жизнь сама придала огласке мою позорную тайну.

В четверг меня вызвала к себе директор школы. Строгая, принципиальная коммунистка, радеющая за моральный облик учителей.

– Вера Алексеевна, нам поступил тревожный сигнал. Звонили из суда. Ваш муж подал на развод, отметив в заявлении, что у вас есть другой мужчина и жить вместе по этой причине вы не можете.

У меня буквально пропадает дар речи. Земля уходит из-под ног от подлости Родионова. Он завёл любовницу, а причиной развода указал мою мифическую измену?

– Дамира Борисовна, это неправда, – сажусь на стул, потому что не могу больше стоять. – Максим... Он ушёл к другой. А у меня... У меня никогда кроме него никого не было...

Коржавина смотрит с укором и постукивает по столу карандашом:

– Милочка, вы понимаете, какое пятно ложится на школу? Осознаете, как позорите имя советского учителя? Прекращайте сейчас же! Чтобы завтра же ваш муж забрал заявление из суда! В противном случае нам с вами придётся попрощаться. И сегодня никуда не уходите после уроков. В шесть вечера я собираю экстренный педсовет. Надеюсь, коллеги смогут призвать вас к порядку и сохранить ячейку общества – советскую семью!

Глава 6. Дорога искушений

Максим

Моя новая жизнь оказалась вовсе не такой радостной, как мне представлялось. Уклад семьи Еремеевых в корне отличается от того, как мы жили с Верой.

Большинство разговоров сводится к теме денег. Всё измеряется ими, и даже отношение к человеку. Родители Лариски дружат исключительно с нужными людьми, и ей указывают, с кем общаться, а с кем – нет.

Удивляюсь, как меня пропустили в ближнее окружение своей принцессы.

Хотя, от них уже ничего не зависело...

С Лариской мы познакомились случайно: я подвозил её с подружками вечером после кино. Ларка оказалась самой бойкой. Села вперед и всю дорогу смеялась над комедией, которую они смотрели.

А потом и над моими шутками. Не знаю, что на меня нашло, но я словно в юность окунулся. Провалился в свои шестнадцать лет. Начал сыпать анекдотами, подмигивать симпатичной студентке, «скалить зубы», как Вера говорит.

И Лариска повелась. Когда развезли по домам подружек, предложила покататься по городу. Я не дурак, намёк понял. Мы уехали за город и там с упоением до глубокой ночи целовались на заднем сиденье.

Ларка оставила мне свой номер телефона, но предупредила, что родители строгие. Просила называться её преподавателем из института.

Так у нас всё и завертелось...

В квартире её подружки я лишил Еремееву девственности. Чувствовал себя дважды героем: сначала Верка мне досталась девочкой, потом Лариска захотела, чтобы стал первым.

Мучила ли совесть? Ну, было поначалу. Ларка видела кольцо на пальце, знала, что женат. А я ничего серьёзного не планировал: типа, развлекусь немного и завяжу.

Вот только девочка оказалась настырной, быстро взяла меня в оборот. Притащила домой, к родителям. Сказала, что мы спим вместе и уже давно, планируем пожениться.

Предки в шоке были. Да и сам офигел. Это когда я ей такое предлагал? Что-то не помню...

Семью бросать не планировал, а тут Еремеева нашла моё слабое место: стала все чаще говорить, какие влиятельные у неё мама и папа и как моя жизнь изменится, если женюсь на ней.

Типа, и машина своя будет, и деньги, и бизнес. Отец с матерью помогут зятю, на работу устроят, денег подкинут, в люди выведут, связями поделются.

Ну я и повёлся. А тут ещё Денис со своими видеомагнитофонами. Силантьевич денег одолжил, а я всё профукал...

Когти рвать поздно было, поэтому решился на развод. Временно.

Но как-то не торопятся родаки Лариски вкладываться в меня. Пока кручу баранку, вожу директора ЛДК. Ночами Ларка работать запретила, поэтому и Вере с Анькой нечем помочь.

И вот сегодня за ужином тёща, наконец, разродилась:

– Максим, не думай, что мы тебя и дальше кормить будем. Пора тебе в общий котёл деньги приносить. С прежней работы придётся уволиться, я тебя на хорошее место устрою, уже договорила.

Кусок встаёт поперек горла.

Значит, я тут нахлебник, альфонс, дармояд бессовестный...

Ну а чо? Со стороны так и получается. Денег не даю, продуктов не приношу, а то, что всё семейство бесплатно по городу катаю на работу и по делам, так это не считается...

Ещё и тёща со мной развозит заказы и забирает в разных местах дефицит. Рука руку моет, или как там у них?..

– Окей, а что за работа? – скрипя зубами, спрашиваю.

Ларка молчит, смотрит в тарелку. Похоже, она в курсе дела. Папаша гуляш с гречкой ест, не отвлекается на разговоры.

Галина Аркадьевна вытирает губы салфеткой (аристократку из себя строит) и, постукивая пальцами с тремя массивными золотыми перстнями по столу, оглашает список:

– Можешь выбрать: место грузчика в рыбном магазине «Океан» – всегда в доме рыбка будет, плюс налево можно продавать. Рубщиком мяса пойти на рынок – тоже навар хороший и мяско всегда свеженькое. Или забойщиком на мясокомбинат могу устроить.

Сосредоточенно почёсываю щетину. Все три варианта – прям работа мечты, но надо с чего-то начинать.

– А вы что посоветуете? – обращаюсь к тёще. Всё-таки она представляет, где больше выгоды.

Галина Аркадьевна сразу берёт быка за рога:

– Забойщиком иди. Там зарплата хорошая, при должной сноровке и умении можно мясо выносить. А кому продавать

– я найду, желающих будет достаточно.

И я, дурак, соглашаюсь, даже не представляя, что меня ждёт...

Глава 7. Работа мечты

Максим

Директор ЛДК Пётр Устинович Ильин отпустил меня неохотно. Когда сказал, куда ухожу, посмотрел с сомнением и... сочувствием:

– Максим, ты подумай. Если что не так пойдёт – возвращайся. Я пока на испытательный срок водителя возьму.

Пожал руку этому мудрому и закалённому жизнью человеку:

– Спасибо, Петр Устинович!

На мясокомбинате в отделе кадров меня встречает необъятных размеров тётка с жидким пучком на голове и одышкой. Видно, что давно болеет. Диабет или астма – так сразу и не поймёшь.

– Значит, это насчёт тебя Галина звонила? – проходится по мне придирчивым взглядом. Видно, что дама непростая.

– Да, – коротко подтверждаю, достаю из кармана паспорт и трудовую книжку.

Женщина листает страницы трудовой, потом открывает паспорт, смотрит на фотографию, проверяет другие страницы.

– Женат, есть ребенок, – зачем-то произносит вслух.

Вот какое её собачье дело до моего семейного положения?..

– Родственник, что ли, Галькин? – отрывает глаза от документов.

– Можно и так сказать, – увиливаю от правды.

– Ладно, родственник. Вижу, ты парень не особо подходящий для этой работы, – как-то грустно констатирует.

– Почему это? Что, рожей не вышел? – грубо интересуюсь.

Женщина бросает на меня сочувствующий взгляд.

– Давай я до конца рабочего дня оформлять тебя не буду. Отработай смену, а потом зайди ко мне и скажи, останешься или нет.

Она и правда откладывает в сторону мои бумаги. Характеристику даже не посмотрела. А я чувствую какой-то подвох. Интуиция шепчет, что не в то место я зарулил. Не ту работу выбрал.

– Иди в цех забоя. Сегодня крупный рогатый скот привезли, работы у вас там много будет. Скажешь начальнику смены, что новенький. Вместо Артёменко взяли.

– Хорошо, – разворачиваюсь и выхожу из кабинета. С собой у меня спецовка, которую Силантьевич с барского плеча выделил. У него их в гараже целый ящик.

Переодеваюсь в раздевалке, оставляя вещи в свободном шкафчике, и отправляюсь в цех...

Нет, я не буду рассказывать то, что увидел. Но поверьте, не всякий мужик сможет работать в таком месте.

Запах свежей крови и навоза останется со мной до конца дней. А глаза животных...

Я впервые видел, как плачут коровы перед смертью. Оказывается, они всё понимают... Всё чувствуют...

Через три часа выбегаю на улице и блюю в кустах. Желудок выворачивает наизнанку. В ушах стоит гул и отчаянные голоса коров.

Похоже, мяса я теперь долго не смогу жрать...

Сажусь на лавку около служебного выхода, где дымят мужики. Ко мне сторож подходит, дедок лет семидесяти. Достает из пачки «беломорину», прикуривает и смачно затягивается.

– Новенький? – спрашивает, глядя на мои сцепленные в замок трясущиеся руки.

– Да. Первый день. И, похоже, последний, – хрипло выдыхаю через сведённое спазмом горло.

– Не бери в голову. Такая поганая работа не всем по плечу. У кого душа тонкая – тому нечего у нас делать, – философски изрекает старик.

Я лишь киваю в ответ. Не скажу, что какой-то изнеженный, но видеть этот ад страшно.

Сердце просто рвётся из груди, в горле колючий ком стоит, кровь в жилах стынет...

– Ладно, пойду я, – встаю и отправляюсь в отдел кадров.

Права была тётка: кишка у меня тонка для подобной деятельности...

Представляю, как тёща стебаться будет.

Да и насрать, если честно.

Хочет мясо каждый день жрать – пусть сама идёт работать по локоть в крови.

И тёща, конечно, не подкачала...

Глава 8. Мутный образ

Вера

Педсовет прошёл для меня как в тумане. Выяснилось, что Коржавиной позвонила её подруга. Та работает народным заседателем, вот и подсуетилась, увидев дело, в котором указан номер школы.

А дальше Дамира Борисовна села на своего конька: борца за нравственность и моральный облик вверенного ей коллектива.

Это было мерзко... Мерзко и больно...

Словно мне в душу наплевали. Прошлись грязными сапогами по только что вымытым дома полам и в каждый угол квартиры ведро помоев вылили.

Я не оправдывалась больше. Зачем?.. Всё равно никто не поверит, кроме моих подруг – Полины и Сашки. Девки, надо отдать им должное, не побоялись гнева директрисы и выступили в мою защиту.

А я корила себя, что не рассказала им о своих проблемах. Они вот так, внезапно узнали, что Родионов от меня ушёл...

В общем, мне было поставлено на вид и велено навести

в семье порядок. Дескать, женщина должна быть хранительницей очага. Любящей, верной, надёжной спутницей жизни.

О моём муже ни слова не было сказано. Дамира Борисовна настаивала, что он жертва в данных обстоятельствах, а я...

Я позволила себе лишнее и должна искупить перед ним свою вину, попросить прощения хотя бы ради дочери. Подумать о том, кто вырастет из безотцовщины...

Сашка убежала домой сразу после собрания, у неё тоже дочка в саду сидит, ждёт маму. Забрать больше никому.

А я с Полиной поплелась на автобусную остановку. Поля старше меня на два года, преподаёт русский язык и литературу. Мудрая не по годам. Иногда мне кажется, что ей не двадцать семь, а все семьдесят.

– Вер, что у вас там произошло на самом деле? Я же понимаю, что Дамира наизнанку всё вывернула. Макс загулял? – спрашивает меня, поддерживая под локоть.

– Да, Поль, загулял. Нашёл себе молодую и богатую, ушёл к ней. А в заявлении написал, что это я ему изменяла. Сволочь он последняя... – горько выдыхаю.

– Ну то, что сволочь, даже отрицать не стану. С маленьким ребёнком бросил, козёл. Только мне кажется, что не сам он заявление писал. Наверняка ему подсказали, какую причину указать, чтобы вас в суде долго не муржили.

Мне от её слов не легче. Наоборот, Родионов представляется таким телком на веревочке, безвольным и тупым, который не отдаёт отчёта своим подлым действиям.

Обещал ведь приходиться к Ане, помогать деньгами, звонить... И где он?

Я бы, конечно, денег не взяла. Наверное. Но с дочкой по-видаться пустила. Анютка ведь любит его. Каждый день о папе спрашивает.

А он бросил дочку, как щенка приبلудного – поигрался в папу и забыл.

И тут в голове вспыхивает страшная мысль. Догадка...

– Поль, как думаешь, а может он у меня Аню забрать? Ну, если скажет в суде, что у меня другой мужчина. Зарплату мне задерживают, а значит, ребёнка содержать не могу?.. – говорю, а у самой руки холодеют. Сердце в безмолвном крике заходится. Спина деревенеет от ужаса, что Максим может лишиться меня дочки.

Резицкая останавливается, разворачивает меня к себе:

– Даже не думай! Зачем его молодой любовнице ребёнок от первого брака? Лишний рот в семье? Да и Макс все время на работе. Когда ему дочкой заниматься? Припугнуть он тебя, конечно, может, чтобы быстрее на размен квартиры согласилась. Но, Вера, ты не торопись. Государство не должно допустить, чтобы ребёнок после развода жил в худших условиях.

Огонёк надежды и разумные доводы Полины немного успокаивают.

Господи, да конечно, Аня в новой семье для Родионова обузой станет. А вот манипулировать мною с помощью до-

чери он не побрезгует.

И сама стыжусь своих мыслей. Когда это я Максима в чудище превратила? Из любящего мужа жестоким монстром сделала?

Хотя... Удивляться нечему, он сам свои тёмные стороны показал. Делами подлыми светлый образ очернил. Врагом в моих глазах сделался...

В детский сад я, конечно, опаздываю. Врываюсь в группу, ожидая увидеть Анюту одну с воспитательницей.

Галина Фёдоровна поливает цветы на подоконниках. Оборачивается на звук и удивленно поднимает брови:

– А вашу Анюту уже забрали. Час назад папа приходил, одной и первых её увёл.

Слова ударяют словно обухом. В голове звенит, перед глазами мутный туман, сердце падает в ноги, и они становятся ватными.

Не могу сделать вдох. Лёгкие отказываются впустить воздух. В груди жжёт так, что хочется выломать себе рёбра и выпустить обжигающую лаву наружу.

Шатаясь и держась за шкафчики, выхожу в коридор. Меня тошнит от страха.

Если Родинова и Ани дома нет, то я...

Не знаю, что я сделаю, где буду их искать.

Он ведь даже адреса не оставил, где теперь живёт.

Но сначала нужно добраться до дома. Лишь бы не свалиться в кусты где-нибудь. А то найдут под утро замёрзший

труп, и Анютка останется сиротой...

Не круглой, но с отцом-подлецом...

Глава 9. Слон и Моська

Вера

До дома добираюсь в рекордно короткое время: почти бегу по улице задыхаясь. Лифт опять не работает, поэтому поднимаюсь по лестнице, держась за стену и судорожно хватая ртом воздух.

Дрожащими руками достаю ключи из сумки, вставляю в замок, проворачиваю и с силой дергаю за ручку.

В квартире светло, работает телевизор, на кухне голоса. Вваливаюсь, и не раздеваясь, и с облегчением роняю сумку на пол: Аня сидит за столом, болтает ножками и ест ложкой что-то из красивого стаканчика.

Максим резко поворачивается в мою сторону:

– Привет!

– Чем ты её кормишь? – подхожу к столу, хватаю стаканчик и подношу к носу. Пахнет клубникой и чем-то кислым.

Родионов улыбается.

– Это йогурт, Вер. Такая штука, типа нашей простокваши с сахаром и ягодами. Для детей делают. Попробуй, очень вкусно!

Слизываю немного с ложки, катаю на языке странную субстанцию. В ней даже маленькие косточки от клубники чувствуются.

– Мам, понравилось? – щурит глаза Анята.

– Ага. Ешь, солнышко, – разрешаю дочке продолжить наслаждаться заморской диковинкой.

На стол навалены конфеты, печенье, стоит бутылка фанты, ещё какие-то яркие пачки и коробочки с иностранными надписями.

Возвращаюсь в коридор, Родионов следует за мной. Снимаю пальто, пристраиваю на вешалку.

– Ты где всё это взял? Разбогател ненароком? – обращаюсь к мужу.

В груди кипит обида за позор, который мне сегодня пришлось пережить. Хочется высказать ему всё, что накипело. Обозвать, ударить...

Но рядом дочь, и я оттягиваю разборки до момента, когда она уйдёт играть в комнату.

– Я же говорил... Там у Ларки отец загранку ходит, а «Альбастросе» отоваривается по чекам, я припрятал для Анятки немного, – с гордостью делится происхождением вкусностей «добытчик».

Мне становится так мерзко...

Значит, это подачки с барского стола. Милость семьи любовницы Родионова...

– Чтобы это было в первый и последний раз! Не смей кормить нашего ребёнка дерьмом, которое тебе наваливают. Сам ешь, если хочешь, а нам не носи. Мы не голодаем. И конфеты дома бывают, и печенье мы с Аней стряпаем. Слава

богу, руки у меня откуда надо растут, – ядовито пеняю мужу, без пяти минут бывшему.

Потом делаю шаг и осторожно закрываю дверь в кухню.

– Пойдем в спальню, спросить кое-что хочу.

Оскорбленный в своих лучших чувствах Максим суёт руки в карманы и вальяжно идёт вперёд. В спальне падает спиной на кровать, закидывает руки за голову, будто и не уходил.

Хозяином себя чувствует, урод...

Я же переплетаю руки на груди, опираюсь спиной на дверцу шкафа и задаю вопрос в лоб:

– Обвинить меня в измене ты сам решил или кто надомил? Зачем в заявлении на развод эту ложь написал?

Родионов хмурит брови, садится, упирается локтями в колени и сцепляет руки в замок.

– Мне сказали, что так разведут быстрее. Иначе могут время на примирение давать и раз, и второй, – признаётся покаянно.

– Надо же, как тебе приспичило скорее холостым стать! Что, любовница залетела или другая нужда заставляет? – ухмыляюсь издевательски.

Муж поднимает глаза и смотрит со злостью:

– Вера, хватит ехидничать. Тебе не идёт!

– А что мне идёт? Рога до неба? Или статус гулящей женщины, которым ты меня наградил? Клеймо разведёнки на лбу или невесты с прицепом?

Господи, что я несу?

В голове жужжит пчелиный рой вздорных мыслей и острых жал, которыми можно уколоть Родионова.

– Хватит! – резко поднимается на ноги. – Я сделал так, как нужно. Это временно, Вер. Годик поживём в разводе, а потом снова сойдёмся. Не воспринимай всё так болезненно.

Шокированно качая головой:

– Максим, ты больной? Думаешь, я тебя прощу и буду ждать? Даже не мечтай! Я ещё не старая. Успею и замуж второй раз выйти, и ребёнка родить.

Слова из меня сыплются как горох. А Родионов на глазах становится пунцовым, сжимает кулаки, внезапно делает ко мне пару шагов и хватает за горло.

– Ты моя! Поняла?! Только моя и моей останешься! А вздумаешь с кем-то замутить, порешу обоих, так и знай, – шипит в лицо, прожигая свирепым взглядом.

– Ппппусти! – еле могу выдавить. Воздуха не хватает, голову кружит, в висках стучит пульс.

Муж резко разжимает руку, я падаю на пол и хватаюсь за горло. С шумом втягиваю воздух, а потом бросаюсь вперёд, хватаю Максима за ноги и впиваюсь зубами в икру.

Родинов, не ожидая от меня такого подвоха, с грохотом падает на пол, стукнувшись головой о деревянную спинку кровати.

– Ссссуууукаааа! – приглушённо ругается, вспомнив, что в квартире мы не одни. Затем вырывается из захвата и пина-

ет меня со всей силы ногой в грудь.

Отлетаю в угол, больно ударившись спиной. Шиплю от боли, а потом начинаю смеяться.

Звонко. Раскатисто. В голос.

Наверное, это нервное.

Мне смешно оттого, что я увидела испуг в глазах Максима.

Муж меня испугался. Меня, серой, хлипкой, костлявой мышки...

Моська завалила Слона!

– Истеричка больная, – ставит диагноз поверженный враг, поднимается на ноги, задирает штанину и с отвращением смотрит на синие отпечатки моих зубов и кровь, текущую по ноге.

Выходит из комнаты, а я закрываю руками лицо и начинаю плакать. Смех переходит в рыдания, но я глушу их, зажимая рот.

Лишь бы Аня не услышала...

Лишь бы дочка не испугалась...

Глава 10. Под каблуком у тёщи

Максим

Возвращаюсь домой со смены просто никакой. Тёща уже на месте, явилась с работы пораньше, а может, и вовсе не ходила. Отгул какой или отпуск – мне не докладывает.

Губы поджигает, смотрит волком.

– Ну что, работничек, кишка тонка оказалась? Всё, на что тебя хватает, только баранку крутить? – уперев руки в бока, встречает в прихожей.

Скидываю ботинки, снимаю куртку:

– А вы сами там были? Видели, что со скотом делают?

– Не была. Но у меня мозги есть, чтобы ими зарабатывать. А ты без образования, умом не блещешь, эта работа как раз по тебе, – ехидно намекает на моё место за плинтусом.

Молча прохожу в ванную, раздеваюсь и встаю под душ. Тёплая вода хлещет по телу, избавляя от нервного озноба. Внутри всё бурлит от злости на Галину Аркадьевну. Эта язва теперь мне плешь проест своими подколками...

Надо же, как оперативно доложили, что отказался от работы...

Везде у старой гримзы связи, знакомства, нужные люди.

Жрать хочу, как собака, но зайти на кухню и налить себе тарелку супа совесть не позволяет.

Не заработал на еду...

Всё, надо с Силатьичем решать по шашке. В выходные на толкучку ехать и торговать чем-нибудь. Надоело нахлебником себя чувствовать...

После душа иду в нашу с Лариской комнату, заваливаюсь на кровать. Ларка ещё в институте, у неё какой-то факультатив сегодня.

Беру её CD-плеер и надеваю наушники. Диск группы Pink

Floyd взрывает тишину. Закрываю глаза, откидываюсь на подушку и представляю, как гоню по трассе на своей тачке. Ford Sierra стелет дорогу под колеса серой лентой. Лето, у меня открыты окна, ветер треплет по щекам, а по венам течёт голый адреналин...

Но сладкие грёзы прерывает противный голос тёщи:

– Чего разлегся? Иди поешь. Не зверь же я, голодом тебя морить.

Выключаю плеер, кладу на письменный стол и плетусь за «второй мамой» на кухню. На столе тарелка с пельменями. Похоже, Галина Аркадьевна сама лепила.

Надеюсь, не отравленные.

Добавляет в пельмехи ложку сметаны, пододвигает мне хлеб.

- Давай, ешь.

Себе наливает кружку чая, достаёт из шкафа шоколадные конфеты «Белочка» и садится напротив.

– Завтра в рыбный пойдёшь. Мясник из тебя, похоже, такой же, как забойщик. И только попробуй отказаться! Больно переборчивый...

Киваю, быстро работая челюстями.

– На развод уже подал или тянешь?

– Пока нет, не подал, – врать смысла не имеет, тёща всё знает. Наверняка и спросила-то для проформы.

– Завтра заявление отнесёшь. Да напиши, что это Верка твоя гуляет, мужик у неё другой есть. Так быстрее разведут.

Пельмень застревает в горле. Закашливаюсь, аж слёзы из глаз текут.

– Что ж ты нервный-то такой? С виду нормальный мужик, крепкий, а как девка едва в обморок не падаешь от неприятных житейских дел.

– Я не буду враньё про жену писать, – твёрдо отнекиваюсь.

– Будешь! – тёща сгребает со стола три фантика, оставляет чашку и встаёт со стула. – Иначе вылетишь отсюда пробкой, совестливый ты наш!

Ссссука!

Злюсь на себя. Если Силантьевич таким же дерьмом окажется, как его женушка, то это будет значить, что я просчитался. И сильно просчитался...

Ушёл от нормальной жены, бросил нормальную работу, а получил не только кукишь с маслом, но ещё и сволочных «родственников» в придачу.

Вечером является свекор в своей парадной капитанской форме. Похоже, куда-то «наверх» вызывали. Уж хоть бы не на пенсию отправили – проскакивает тревожная мысль.

Александр Силантьевич сияет, как начищенный самовар. Значит, всё пучком. Ларка тут же лисой начинает виться вокруг отца:

– Ну, папуля, рассказывай, что там? Зачем тебя в пароходство вызывали?

– Дай хоть переодеться и руки помыть. За ужином всё узнаешь, – треплет её по щеке довольный отец.

И я выдыхаю: ну хоть какие-то хорошие вести в этот поганый день...

А новости сводятся к тому, что отца Ларки переводят на другое судно. Ходить будет в Германию с пиломатериалами. А это стопудово, что сможет иномарку притаранить. А может, и не одну...

– Ты, Максим, пока садись на мои Жигули, а я себе Опель Аскону привезу, – благосклонно хлопает меня по плечу Силантич. – Завтра доверенность сделаем, ключи тебе отдам от гаража и машины.

Сердце начинает неровно биться: вот оно – ради чего весь этот кипишь затевался!

– Спасибо, Александр Силантьевич! А как с товаром? Есть что на продажу? – решаюсь задать вопрос, который мучает уже несколько дней.

Мужик лицом добрее:

– Два блока «Мальборо» есть, джинсы, диски музыкальные, кроссовок две пары. Кстати, у тебя какой размер? Видел ботинки твои: в таких только на паперти стоять, надо приобуть тебя, ЗЯТЁК.

Последнее слово говорит с нажимом, будто намекает, что меня соизволили принять в семью Еремеевых, и теперь я должен нести звание Зятя гордо и с достоинством.

– Сорок третий, – опускаю взгляд в тарелку с котлетой.

Похоже, прилюдно унижать – это у них семейное. Но ссо-

риться резона нет – надо долг отработать сначала, деньги Еремееву вернуть.

– Ладно, ешь, и пойдем, глянем, что там есть на тебя. Галя, ты шмотки из кладовки не убирала? Так в коробках и лежат?

Вижу, что Галина Аркадьевна не рада щедрости мужа.

– В чемодан переложила часть. Что-то продала, что-то осталось – надо смотреть. А на новую обувь ТВОЙ зять ещё не заработал. Пусть сначала денег в общий котел подкинет, а потом уже прибарахляется, – ворчит недовольно.

Лариска одёргивает:

– Мам! Ну ты чего? Я же с Максом в кино иногда хожу, в гости, в институт он меня отвозит. Мой жених должен прилично выглядеть!

Тёща встает из-за стола, начинает наливать всем чай:

– Да делайте что хотите! Но не дай бог твой Максим в «Океане» нос от работы воротить начнёт – я больше палец о палец не ударю, чтобы на хлебное место его пристроить.

Они обсуждают меня, будто я пустое место...

Хочется грохнуть кулаком по столу и попросить заткнуться, но приходится сдерживать ярость.

Ничего, будет и на моей улице праздник! Встану на ноги, денег на свой ларёк заработаю и свалю отсюда на хрен!

А пока надо терпеть. Стискивать зубы и терпеть подколки этой старой курвы...

Тёща опять достаёт из шкафа шоколадные конфеты, кладёт перед Лариской три «Белочки», себе на блюдце три, и по

одной конфетке мне и мужу. Остальное возвращает на место.

«Что б ты подавилась этими конфетами, чувырла!» – мысленно желаю Аркадьевне «приятного аппетита».

А свою конфету прячу в карман. Складываю сладости в сумку, отнесу потом Анютке гостинец.

Скучаю по дочке, но пока мне нечем их порадовать...

Глава 11. Хлебное место

Максим

Рыбный магазин «Океан» на улице Воскресенской видно издалека. Большие стеклянные витрины с нарисованными морскими обитателями делают его узнаваемым.

Открываю дверь, и в лицо ударяет резкий запах свежей рыбы. Не скажу, что сбивает с ног, но возникает стойкое ощущение, будто попал в бочку с селёдкой.

Людей уже с открытия толпа. Очередь стоит от самого входа. Каждое утро покупатели ждут, что сегодня «выкинут». Для архангелогородцев рыба – почти второй хлеб. Поморки поморов выросли на треске, наваге, минтае, хеке, мойве...

Я проталкиваюсь поближе к кассе и прошу позвать старшего продавца, как велела Галина Аркадьевна.

Ко мне выходит дылда лет сорока, худая как палка, с поджатыми губами и светлыми рыбьими глазами в синем халате. Внешне смахивает на ледяную рыбу. Её сегодня и продают.

Похоже, они нашли друг друга...

– Здравствуйте, я Максим Родионов. Вам Галина Аркадьевна звонила насчёт меня, – представляюсь.

– Что ж, Максим, идите за мной, – кивает женщина, а я ловлю себя на том, что мне нравится этот мелодичный голос. Хоть внешне она и не красавица, но голос... Наверняка поёт хорошо.

Проходим в подсобные помещения, затем по коридору в кабинет директора.

– Иван Абрамович, я вам нового работника привела, – открыв дверь без стука и разрешения, переступает порог старший продавец.

За массивным столом, обложенный бумагами, сидит мужчина лет пятидесяти. Немного толстоват, но ещё крепкий и довольно высокий. В приличном сером костюме, синей рубашке без галстука, с густыми тёмными волосами и цепким взглядом чёрных глаз.

Нос прямой, подбородок немного заостренный, гладко выбритый. При взгляде на женщину губы директора растягиваются в улыбке.

– Алла Николаевна, доброе утро, – ощупывает глазами тощую фигуру, и я сразу понимаю, что этих двоих связывает не только работа.

Ну, на вкус и цвет, как говорится...

А может, его тоже голос очаровал?..

– Ну, расскажите, откуда к нам пожаловал молодой чело-

век?

– Это родственник Галины Аркадьевны Еремеевой. Помните, она нам наборы продуктовые на Новый год делала? Заведующая универмагом.

Директор делает вид, что задумался, но это всё игра. Он прекрасно помнит, кто такая Еремеева. Они тут друг друга все в городе знают. Работники торговли в наше время – настоящая элита. И наверняка тёща не только «наборы делала», но и другой дефицит в обмен на копченую рыбку и икру отпускала начальству «Океана».

– Надо бы его грузчиком устроить, – добавляет просительную интонацию Алла.

– Раз надо – устроим, но это Галине Аркадьевне стоять будет. Позже рассчитаемся. Веди его в отдел кадров, пусть оформляют, я приказ подпишу.

Алла Николаевна кивает, и мы удаляемся из кабинета, а у меня появляется стойкое ощущение, что старшему продавцу мое устройство на работу тоже будет стоить... чего-то там... Но похоже, она и не против рассчитаться с директором...

А дальше начинается работа: ящики с рыбой, холодильники, подай, принеси, убери, достань и так далее. Молодые девчонки-продавщицы поглядывают на меня с интересом. Кольца-то на пальце нет. Да я вообще парень без пяти минут холостой.

Ближе к вечеру ко мне подбегает Тонечка:

– Списание будешь брать? Сегодня мойва, ещё не пахнет.

По три килограмма ледяной вам оставили и по две банки иваси.

Для меня пока их схемы – тёмный лес, но послушно киваю. Денег немного с собой есть. Тёща дала со словами: «Бери все, что будут предлагать».

Домой еду в машине тестя, багажник под завязку набит рыбой. И сам я благоухаю, как пересоленный матрос. Но настроение хорошее. Чувствую себя добытчиком, кормильцем, нормальным мужиком, а не прихлебателем.

В голове сразу появляется мысль: «Надо бы Верке рыбы закинуть». А затем её тормозит отрезвляющая: «Алла наверняка тёще доложит, сколько и чего я должен привезти домой. И если гримза узнает, что семье помогаю – моментом выставит за порог. Поэтому лучше не рисковать».

Дома Галина Аркадьевна раскладывает рыбу по дефицитным полиэтиленовым пакетам и садится на телефон обзванивать знакомых.

– Наташа, привет! Мойву брать будешь? Свежая, конечно. Есть еще килограмм ледяной, – слышу из прихожей, где стоит аппарат. При этом цену теща заламывает в три раза больше отпускной. А ведь эта мойва досталась ей совершенно бесплатно...

Вечером у нас гости один за другим, но никто их за чай не усаживает. Тёща раздает приготовленные пакеты, пересчитывает деньги, прячет в карман халата.

Я смотрю с тестем хоккей, а Ларка готовится в комнате

к семинару. Ночью прижимаю её к себе, начинаю целовать, тискать, прижиматься стояком к горячему бедру, но Лариска морщит нос:

– Маааакс! От тебя рыбой воняет! Иди помойся, пожалуйста-ста, а то меня сейчас стошнит.

Стопорюсь, с силой втягиваю воздух и сжимаю зубы.

Вот же суки! Сами меня с мамашей отправили в этот вонючий магазин, а теперь нос воротят.

Молча встаю и иду в душ. Там упираюсь лбом в кафельную стену и работаю кулаком.

Воняю, значит... Тошнит её, бедную, от запаха...

А когда иваси с картошкой за ужином уплетала, что-то не тошнило...

Стерва двуличная!

И так мне тошно становится... Так мерзко от этой семейки гнилой, от ситуации, от себя, полудурка...

Хочется собрать вещи, хлопнуть дверью и вернуться к Верре.

Но долг... Проклятые деньги держат крепче, чем железная цепь.

Заработаю, отдам и пошлю на хрен всех этих Еремеевых...

Глава 12. Хороший отец

Максим

Через две недели меня так всё достаёт, что когда на неделе

выпадает выходной, я еду к своим. Рожа от счастья едва не трескается при мысли, что сегодня дома побываю.

Открываю дверь квартиры, прохожу по комнатам – никого.

Похоже, Верка на работе задержалась. Родительское собрание, что ли? Ладно, сам дочку из садика заберу. Прокачу на новой машине, ей понравится.

Малышка встречает меня тепло. С восторгом бросается на шею:

– Папа, ты пришёл! Я так соскучилась!

Подхватываю на руки егозу. Подросла, вытянулась, пока не видел.

– Я тоже скучал, Анютка. Смотри, что я тебе принес, – достаю из кармана куртки и показываю ей горсть шоколадных конфет и апельсиновую жевательную резинку пластинками.

Глаза ребёнка расширяются, губки изображают букву О:

– Ого! Как много!

Дома ещё есть кое-что вкусненькое. И кукла Синди в машине сидит.

– Синди!!! Папочка, я так тебя люблю!

Аня быстро спрыгивает с рук на пол и начинает одеваться. Садится на скамейку, натягивает на колготки рейтузы, обувает сапоги, но не на ту ногу. Переобуваю, потом достаю курточку и понимаю, что ребёнку нужна новая – рукава уже короткие. Сам я в потёртой кожанке и джинсах, на ногах ништяковые кроссовки.

Чувак прибрахллся, теперь надо и о семье позаботиться.

Усаживаю дочку на заднее сиденье зеленых Жигулей. Она вертит головой, обращает внимание на рыбку с кудрявым длинным хвостом, сплетённую из крашеной зелёной медицинской капельницы. Игрушка висит на зеркале и смотрит на Аню своими красными глазами из бисера.

– Папа, а покажи рыбку? – просит дочь.

Снимаю висюльку, но предупреждаю:

– Осторожно, Ань, это не моя игрушка.

– А чья?

– Одного дяденьки.

– Дяденька в игрушки играет? – искренне удивляется. –

Он что, маленький?

Оставляю вопросы без ответа и выруливаю на дорогу. Ехать совсем недалеко, но в голову залетает противная мысль: *«А что, если Вера не на собрании, а на свидании? Вдруг какого-нибудь хмыря себе завела?»*

Меня словно током прошибает. Двести двадцать вольт все волоски на теле ставят дыбом. Руки впиваются в цветную оплётку руля, нога непроизвольно давит на газ и машина ускоряется.

Честно говоря, когда я решил уйти от жены, мне даже на ум не пришло, что она может замутить с кем-нибудь. Она же домашняя, покладистая, верная...

Ей это вообще на хрен не надо. Вера меня любит. Я её

первый и единственный. Страдает, небось. Ночами в подушку ревёт, ревнует меня до умопомрачения...

Немного успокаиваюсь и сбавляю скорость. Не хватало ещё ребёнка напугать.

Дома отдаю Ане куклу, на кухне вываливаю из сумки на стол другие подарки.

Малая не верит своему счастью. Сколько я слышал этих разговоров про Синди и Барби. Аня, как и все девочки в садике, давно мечтала о такой кукле, но считала эту мечту несбыточной. Потому что стоит игрушка бешеных денег. И я отвалил немало, но чего ради дочки не сделаешь...

Всё-таки отец я хороший, сам себе удивляюсь.

Другим мужикам, когда из семьи уходят, дети становятся по боку. Я не такой. Забочусь о дочери. Надо было и жене что-нибудь купить, но сначала отношения наладить.

Может, даже в койку затащить... Соскучился по ней, слов нет! Вера моя...

Все ради тебя, дорогая. Увидит сегодня, как поднялся, сколько всего дочери принёс, сразу простит. Сердце матери – оно такое, мягкое...

Деньги у меня теперь есть. Тесть в рейс ушёл, а я стал торговать на толкучке.

Рыбу в обход тёщи начал продавать – ещё один источник дохода. Завёл свои нужные знакомства, с фарцовщиками на Туче перезнакомился. Уговорил Лариску, чтобы отпускала ночью таксовать. А там и сигареты можно толкнуть, водяру,

про рыбу намекнуть – телефон нового клиента взять.

Если честно, отношения у нас с Ларкой стали портиться. Она мечтала, что я её золотом осыплю, но на кой хрен мне это надо? У принцессы родители богатые есть, вот пусть они и кормят-поят-одевают. А мне деньги нужны на открытие ларька.

Короче, кручусь как белка в колесе, но напряжение копится. Все чаще хочется кого-нибудь прибить.

Дома не расслабишься: две стервозные бабы постоянно с какими-нибудь претензиями выступают: то не так, это не эдак. Задолбали...

Глава 13. Истеричка

Максим

Аня заворачивает куклу в платок и мы идём на кухню. Кормлю дочку йогуртом. Она первый раз такую красивую коробочку видит.

– Попробуй, это вкусно.

Снимаю фольгу, даю ей чайную ложку, и малышка начинает осторожно есть, зачерпывая по капельке розовой, сладкой, ароматной массы.

– Папа, а это как называется?

– Это йогурт. Там ягоды. Видишь, сбоку клубника нарисована?

– А где ты взял этот гогурт?

– Где взял, там уже нет, – щёлкаю дочь по носу, а она за-

ливисто смеется.

Скучала, кроха моя... Надо было раньше приехать.

Слышу, как в замке поворачивается ключ: кажется, наша блудная мать явилась.

Сердце разгоняется, долбит по рёбрам, челюсти сжимаются от недовольства.

Каждый день я злюсь на жену за то, что случилось. Это она довела нас до развода, обрекла на нищету и подтолкнула влезть к долги к Еремееву.

Я ведь работал, таксовал, водкой приторговывал, но денег всё равно не хватало.

А она? Что сделала она, чтобы хоть немного помочь нам финансово?

Сидела в своей школе, где зарплату не платят и унести нечего, только мел, который на хрен никому не сдался.

Над тетрадками корпела вместо того, чтобы пойти, как другие жёнки, на рынок торговать.

Вон, соседка с баулами таскается, постельное из Иваново возит, тряпки какие-то. Ей даже стоять с товаром не надо, перекупщикам всё отдаёт.

Она и Верке предлагала ездить вместе, но где моя королева и где челноки?

– Привет! – смотрю на похудевшую, осунувшуюся жену. Голодают они, что ли?..

В груди что-то неприятно царапает. Похоже, совесть проснулась. Или жалость зубами сердце рвет: всё-таки Вер-

ку я люблю и планирую дожить с нею вместе до старости.

Но пока меня не было, эта овца зубы отрастила. И чем дольше мы разговариваем, тем я становлюсь злее.

Кто эта ехидна, что пасть открывает и бочку на меня катит?

В конец баба оборзела?

Отгавкиваюсь, как могу, но эту дуру несёт и несёт, будто трубу прорвало.

И когда зовет в спальню на разговор, а потом открыто говорит о втором замужестве, стоп-кран у меня срывает.

Хватаю за горло и перекрываю курве кислород. Будто кто-то невидимый требует заткнуть Верке рот. Не слушать больше гнустости, которые оттуда вылетают.

Когда отпускаю, эта падла вместо того, чтобы испугаться и зарыдать, хватается меня за ноги и больно впивается зубами в икру. С грохотом приземляюсь на пол, ударившись кумполом о кровать.

Перед глазами вспыхивают звезды, крышу рвёт так, что готов убить суку.

Пиная жену в грудь со всей силы, она летит в угол через половину комнаты. Смотрю на Веру и не узнаю: взгляд безумный, морда красная, зубы в крови, волосы растрёпаны.

Да ты, мать, кукухой двинулась! Рехнулась с голодухи!

Хорошо, что не на кухне скандалить начали.

В таком состоянии эта шмара могла меня и ножом пырнуть. Потом бы сказала, что самооборона...

Мне становится не по себе. Я не ожидал, что Верка умом тронется. Превратится в дикую, безумную, страшную бабу, от которой можно ожидать чего угодно...

На хрен...

Надо валить отсюда...

– Истеричка больная, – поднимаюсь с пола, отряхиваю брюки и ухожу.

Пора подавать на размен квартиры.

Поживет в каком-нибудь гадючнике с тараканами – сразу гонору станет меньше. Вот тогда и поговорим...

Глава 14. Защита от тирана

Вера

Слышу хлопок входной двери, и мой истеричный смех переходит в слёзы. Реву в голос, уже не стесняясь дочери. Анютка прибегает из кухни, обнимает меня своими маленькими ручками и плачет вместе со мной.

– Мамочка, не надо! Я скажу папе, чтобы больше не приходил! Он тебя обижает! Папа плохой! Злой! – причитает малышка.

Понимаю, что своей истерикой настраиваю ребёнка против отца, но не могу остановиться – это выше моих сил.

Максим совсем оскотинился. В чудовище превратился. Он же запросто мог сегодня меня убить...

Последняя мысль рождает внутри такой страх, что слёзы моментально высыхают и голова начинает лихорадочно со-

ображать, искать варианты защиты.

Что мне сделать, чтобы ситуация не повторилась? Где гарантия, что Родионов не явится в следующий раз и не накосячит мне? Просто потому, что может? Что сильнее? Что мужик?

Хотя, какой это мужик? Я считала его настоящим мужчиной, а теперь вижу перед собой нечто в штанах, бросающееся на слабую женщину...

– Анют, всё, я больше не плачу! – вытираю щёки и улыбаюсь дочке сквозь слезы. – Давай мы с тобой блинчиков испечём на ужин. Будешь блинчики?

– Да, мам. Я там гогурта тебе оставила.

– Спасибо, малышка. Пойдём, – поднимаюсь с пола, держась за стену. Голова немного кружится. Наверное, от недостатка воздуха. Все-таки душил меня муж не понарошку, а со знанием дела. Маньяк проклятый...

Мне кажется, что от любви к Максиму не осталось и следа. Её место заняла ярая ненависть. Дикое желание, чтобы муж быстрее исчез из моей жизни.

Раздражение и обида на то, что Родионов не звонил, теперь кажутся несусветной глупостью.

Да не звонил – и, слава Богу! Надо держаться подальше от этого бешеного кобеля...

На кухне Аня забирается на табурет и возвращается к яркой коробочке. Зачерпывает розовую массу в ложку и протягивает мне:

– Попробуй, мам, как вкусно!

Наклоняюсь и касаюсь ложки кончиком языка. Рецепторы взрываются от восторга: сладкая масса со вкусом клубники заставляет прикрыть глаза от удовольствия.

– Очень вкусно! Ешь!

Мне стыдно, что я повелась на подачку Родионова, попросила гостинец. Но с другой стороны, у Анютки и так в жизни не много радостей. И за восторг в глазах ребенка можно чуток придержать собственную гордость.

Готовлю тесто для блинов на воде и сухом молоке, и пока мутовкой размешиваю комочки, продолжаю обдумывать свой план защиты от Родионова.

Первое, что нужно сделать, это поменять дверной замок. Не станет же он выламывать дверь в квартиру?

Или станет? Он же здесь тоже прописан...

Ладно, буду надеяться, что до этого не дойдёт.

Теперь надо найти мастера, который поможет купить новый подходящий и надёжный замок и установить его. На ум приходит только одноклассник Родионова по ГПТУ – Тарас Гараев.

Перед глазами встаёт Гора, как его называют друзья. Высокий, под метр восемьдесят, крепкий, здоровый парень с большими руками и широкими плечами. Пудовые кулаки – это про него.

Тарас ещё в школе был грозой всех хулиганов, любого мог усмирить. Подозреваю, что дружба Родионова с ним основывалась на страхе.

валась, в том числе и на силе Гараева. С таким напарником можно в любую драку вписаться и выйти оттуда победителями.

А драк было много: школа на школу, район на район...

Бывшие хулиганы стали бандитами, и сейчас разборки не столь безобидны: в ход идут и ножи, и огнестрельное оружие... Вечером на улице совсем небезопасно...

Но Тарас как-то смог отойти от этих дел. Окончил ГПТУ, работает в трамвайном депо, у отца в гараже сделал себе мастерскую. Руки у парня золотые и голова светлая: может отремонтировать всё, что угодно, будь то железо или дерево.

В мастерской Гараев делает мебель: кухонные уголки, шкафчики, буфеты, кровати. У его родственника в районе есть пилорама, подходящие доски оттуда привозят. В общем, Тарас не бедствует.

Он и нам шкафы делал, и кроватку для маленькой Анютки, когда родилась. И стульчик детский, и лошадку-качалку.

Гараев не обладает подвешенным языком и обаянием Родионова. Скорее замкнут и молчалив. Но девочки всегда обращали на него внимание: мимо такого фактурного парня сложно пройти.

После ужина, сделав на шею компресс из смоченного холодной водой полотенца, звоню Тарасу. Он живёт с родителями. Есть квартира бабушки, но они её сдают.

– Тамара Андреевна, добрый вечер! Это Вера Родионова. А Тарас дома? – обращаюсь к маме Горы.

– Верочка, здравствуй! Дома, дома, сейчас позову, – и куда-то в сторону. – Тарас, подойди, тебе жена Максима звонит.

При упоминании Родионова меня передёргивает. Интересно, Тарас был в курсе его походов?

Конечно, он знал. Не мог Макс скрыть от друга наличие любовницы.

В груди что-то царапает ребра, стыд заливает щёки и раздражение, злость на Гараева заставляют сжать челюсти.

Знал и не сказал...

Хотя, друг ведь никогда не сдаст друга, чему удивляться?

Мне нужна от Тараса небольшая услуга, поэтому заталкиваю своё недовольство подальше и проглатываю колющий ком в горле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.